

ДОРОГА В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Выпускной бал в нашей 38-й московской школе состоялся 14 июня 1941 года. И хотя одеты мы были проще, чем, скажем, выпускники теперешних послевоенных лет (материальные возможности у наших родителей были скромнее), но одевались и наглаживались мы все-таки на славу и веселились никак не меньше, а может быть, и еще горячее. И эмоциональность эта в какой-то мере определялась неуловимым ощущением тревоги и грусти, видимо, большей, чем обычная разлука после промчавшихся школьных лет.

В актовом зале сияли все плафоны и люстры, без устали трудилась старенькая школьная радиола, кружились бесконечные пары, а над головами, через усилитель, словно бы импонируя нашему настроению, катился по лестницам и коридорам голос Вадима Козина:

Давай пожмем друг другу руки —
И в дальний путь на долгие года!..

Мы танцевали, острили, пожимали друг другу ладони и никак не знали, что со многими расстанемся не на месяц, не на год и не на «долгие года», а до конца своих дней, навсегда...

22 июня 1941 года над Москвой стоял солнечный, яркий рассвет. Я возвращался из Подмосковья, где с субботы на воскресенье на станции Лосиноостровская ночевал у своей тетки. В вагоне электрички было

шумно и весело. Как-никак впереди целый воскресный и очень хороший солнечный день! Люди громко переговаривались, шелестели заиндедевшими бумажками от эскимо, перелистывали свежие газеты и журналы.

Приехали на Ярославский вокзал. Двери вагонов раскрылись, и тут словно тревожный ветер пробежал по сердцам. Оживление пошло вниз.

Перед репродуктором плотная толпа молчаливых людей. На одних лицах — растерянность, на других — напряжение и суровость. Неторопливый, но взволнованный голос Молотова сообщает о нападении гитлеровской Германии на нашу страну...

Дома у меня лежало заявление в институт. И даже не одно, а целых два заявления.

Дело в том, что с раннего детства тянули меня к себе почти с одинаковой силой два прекрасных и удивительных мира, имя которым: «Литература» и «Театр». С восьми лет писал я стихи и с этого же возраста самозабвенно занимался в драматических кружках и кружках художественного слова. Чего во мне больше? Кто я все-таки по призванию: поэт или театральный режиссер? Этого я до последней минуты так решить и не мог. А точнее, не успел. Все дальнейшее помогла определить сама жизнь. Началась война, и решать теперь уже надо было совсем иные проблемы. Над страной полетел призыв: «Комсомольцы — на фронт!» И я порвал оба мои заявления. Сел и написал третье. На этот раз в райком комсомола с просьбой отправить меня добровольцем на фронт. Мне было тогда семнадцать лет.

...Вечером я пришел в райком, а утром мама провела меня с небольшим рюкзачком на плечах к райкомовскому грузовику, где меня ожидала группа таких же безусых добровольцев, полных решимости сра-

жаться с врагом до конца. Мама несла в руке букетик гвоздик. Но так и забыла в волнении, прощаясь, протянуть их мне. И до сих пор, как тогда из машины, вижу ее одинокую, чуть ссутулившуюся от горя фигурку на углу Кропоткинской улицы возле Дома ученых с забытым букетом в руке...

Летом 1941 года под Москвой формировались первые дивизионы и полки знаменитых «катюш» — грозных артминометных установок. Оружие это было секретным, и личный состав гвардейских частей состоял в те дни только из комсомольцев и коммунистов. Должность я получил уважаемую и серьезную — наводчик орудия, хотя в батарею я был самым молодым.

После недолгой, но интенсивной учебы наш 3-й дивизион 4-го гвардейского артминометного полка был «отпочкован» и направлен под Ленинград. И с этого момента стал называться 50-м Отдельным гвардейским артминометным дивизионом.

Враг бешено рвался к городу и был уже на его подступах. Так что остановить его мог только очень крепкий и неожиданный отпор. Наш залп как раз и явился таким хлестким и оглушающим ударом. И дали мы его 19 сентября 1941 года в районе Синявино. При всех тяготах и драматизме тех дней, улыбка все-таки однажды пробежала по нашим сердцам. Дело в том, что «катюши», повторяю, были секретным оружием. И о его существовании, а тем более о прибытии на фронт, не знал никто — ни враги, ни наши бойцы. И вот когда мы дали первый могучий залп, то немцы бросились в одну сторону, а наши — от неожиданности — в другую... Потом бойцы очень полюбили подразделения гвардейских минометов. И тогда же, осенью 1941 года, под стенами Ленинграда бойцы с нежностью стали называть их «катюшами». И под этим именем прошли они всю войну.

В это тяжелейшее и жесточайшее время наш дивизион носился с участка на участок по всему Волховскому фронту и в самых прорывных и трудных местах давал залпы. Всего за зиму 1941 — 1942 годов я из своего орудия дал 318 залпов по врагу. В переводе на «огневой» язык — это 5088 снарядов весом в 50 килограммов каждый! И это только из одного моего орудия, отправившего на тот свет не одну сотню любителей чужой земли.

Жгучие тридцати-сорокаградусные морозы, сотни и сотни километров туда и обратно вдоль изломанной линии фронта: Вороново, Гайтолово, Синявино, Мга, Волхов, деревня Новая, Поселок № 1, Путилово...

Разве расскажешь о дневных и ночных залпах, иногда прямо под тяжелейшим артогнем, разве поведаешь в двух-трех словах о том, как несколько раз с боями пробивались из окружения, как дважды была подбита и горела моя боевая установка и после быстрого ремонта снова возвращалась в строй?! Разве передашь в кратком разговоре о том, как тяжело хоронить убитых друзей, еще час назад веселых, теплых, живых!.. Однако, несмотря на все смертельно тяжелое, порой непосильное и леденящее душу, в грядущей победе нашей не сомневались ни на миг. В перерывах между боями я писал стихи. Некоторые из них, такие, как «Письмо с фронта», «На исходный рубеж», «В землянке», через несколько лет вошли в первую книгу моих стихов.

Весной 1942 года был тяжело ранен командир орудия, и на его место назначили меня. Приходилось выполнять две обязанности сразу: командира орудия и наводчика. Справлялся, кажется, неплохо.

Оружие наше было новым, и офицерских кадров не хватало. Получили приказ самых опытных и обра-

зованных младших командиров срочно направить в офицерские училища.

Осенью 1942 года я с группой моих товарищей, обстрелянных фронтовиков, был срочно командирован во 2-е Омское гвардейское артминометное училище. Шесть месяцев занятий по удвоенной и утроенной программе. За этот срок нужно было пройти курс двухлетнего мирного училища. И мы проходили. Занимались по тринадцать — шестнадцать часов в сутки, уставали смертельно, но не сдавались. Учились хорошо. Знали: мы нужны фронту, а это было самым главным и важным в те дни.

В мае 1943 года, успешно сдав экзамены и получив офицерское звание и грамоту за отличные успехи, снова поехал на фронт. Омск был в те времена глубочайшим тылом. Здесь даже светомаскировка отсутствовала. Война, где решалась судьба страны, друзей, что дрались, не щадя себя, была далеко-далеко. И хотелось как можно скорей уехать из «тыловых краев» туда, к борьбе, к фронтовым побратимам!

И снова фронт. На этот раз не в снегах и болотах, а в степи под станицей Крымская возле знаменитой впоследствии «Малой земли».

Меня сразу же направили в 50-й гвардейский артминометный полк, где должности огневика не было. И вместо командира взвода или комбата я был назначен начальником связи дивизиона. Однако воин должен уметь все. И я старался, работал на совесть. Хотя воевал неплохо, но должность начальника связи мало волновала мне душу. Я был, что называется, «прирожденным огневиком». Мне надо было вести дела с батарейцами, готовить расчеты огня, давать залпы по врагу. Думаю, что судьба это поняла. Поняла и ликвидировала должности начальников связи дивизионов.

4-й Украинский фронт. Последняя и, пожалуй, самая трудная страница моей боевой жизни. На этот раз я уже снова был «огневиком». Сначала помкомбата, а когда комбат Турченко под Севастополем «пошел на повышение», — командиром батареи.

Итак, снова дороги и снова бои: Чаплино, Софиевка, Запорожье, Днепропетровщина, Мелитополь, Орехов, Аскания-Нова, Перекоп, Армянск, Совхоз, Качи, Мамашаи, Севастополь. Упрямо дрались. В редкие минуты затишья пели вполголоса задумчивые песни: «Когда в поход я уходил», «Кто сказал, что надо бросить песни на войне», уже ставшие тогда известными «Огонек» и «Шаланды, полные кефали».

Не стану рассказывать о том, как ломали под Перекопом оборону врага, как, шагая на огневые, месили по ночам густую, как глина, и липкую, как клей, серую грязь Сиваша.

Нет сейчас ни места, ни времени, чтобы рассказать обо всех друзьях, победах, тяготах и потерях. Ограничусь лишь тем, что скажу: жили бурно, горячо, умели воевать и умели шутить. Каждый чувствовал локоть товарища, и никто ни разу не пожаловался и в тяжкую минуту не предал друзей. Да, никто.

Прорвавшись через Перекоп, наши войска покатились на юг неудержимо, с какой-то напористой и веселой злостью.

«Товарищи! Завоюем славу освободителей Крыма», — горели лозунги на стенах домов. Русское и украинское население встречало нас бурно, радостно, с молоком, калачами и полными слез глазами. Целовали, как родных, и буквально заставляли взять калач или булку.

Бои в Крыму подходили к концу. Силами 2-й Гвардейской армии, силами 9-й Приморской, силами славных и доблестных моряков Крым озарялся пятико-

нечными звездочками и улыбками наших солдат. У врага оставался только один Севастополь. Но теперь уже совсем ненадолго. Ибо это же был Севастополь! Город Нахимова и Ушакова, Лазарева и Корнилова, тысяч и тысяч известных и неизвестных матросов и солдат — героев и патриотов родной земли.

Сколько же мог сидеть там еще враг, если каждый камень в этом городе обжигал ему пятки, как раскаленный металл!

Впервые в жизни возле Качи увидел море... С высокого холма оно сверкало под солнцем. Оно было ярким, синим-синим, выпуклым и громадным. Пораженный, велел шоферу затормозить. Смотрел долго, радостно и неотрывно. Затем, сдернув пилотку, дружески помахал ему из кабины.

1 мая 1944 года. Любимый наш праздник, а праздновать некогда. Готовимся к штурму позиций врага, к последним боям за Севастополь. Знаем, будет тяжело и жарко. Врагу деваться некуда. Кораблей у него не хватает. И драться он будет как обреченный.

И вот здесь, в боях за освобождение Севастополя, при подготовке к решающему залпу перед штурмом укреплений врага, утром 4 мая 1944 года я был ранен.

...Что было потом? А потом был госпиталь и двадцать шесть суток борьбы между жизнью и смертью. «Быть или не быть?» — в самом буквальном смысле этого слова. Когда сознание приходило — диктовал по два-три слова открытку маме, стараясь избежать тревожных слов. Когда уходило сознание, бредил.

Было плохо, но молодость и жизнь все-таки победили. Впрочем, госпиталь был у меня не один, а целая обойма. Из Мамашаев меня перевезли в Саки, затем в Симферополь, потом в Кисловодск в госпиталь имени Десятилетия Октября (теперь там санаторий), ну а оттуда — в Москву. Переезды, скальпели

хирургов, перевязки. И вот самое трудное — приговор врачей: «Впереди будет все. Все, кроме света». Это-то мне предстояло принять, выдержать и осмыслить, уже самому решать вопрос: «Быть или не быть?» А после многих бессонных ночей, взвесив все и ответив: «Да!» — поставить перед собой самую большую и самую важную для себя цель и идти к ней, уже не сдаваясь.

Я вновь стал писать стихи. Писал и ночью и днем, и до и после операции, писал настойчиво и упорно. Понимал, что еще не то и не так, но снова искал и снова работал. Однако какой бы ни была твердой воля у человека, с каким бы упорством ни шел он к поставленной цели и сколько бы труда ни вложил в свое дело, подлинный успех ему еще не гарантирован. В поэзии, как и во всяком творчестве, нужны способности, талант, призвание. Самому же оценить достоинство своих стихов трудно, ведь пристрастнее всего относишься именно к себе.

Моих стихов не читал еще ни один профессиональный писатель. Надо не ошибиться и послать тому, в чье слово веришь. Больше всего боялся, что ответят снисходительно, как-никак автору работать трудно... А мне нужен был прямой и ясный ответ, без малейшей скидки. И вот я решил: пошлю Корнею Чуковскому. Еще до госпиталя, однажды в библиотеке, прочел его статью о переводах Шекспира Анной Радловой. Статья была настолько умной, едкой и беспощадной, что от бедной переводчицы, я думаю, остались лишь туфли да прическа.

Итак, это не только автор веселых детских книжек, но и жесткий и зубастый критик. Вот это мне и было нужно. Послал тетрадь стихов Корнею Ивановичу. Жду. Проходит несколько дней, и вдруг... Ответ!

«Дорогой Эдуард Аркадьевич! (Это я-то Эдуард Аркадьевич, в мои двадцать лет!)

...От души благодарю Вас за письмо и за доверие. Однако же сразу должен предупредить, что, оценивая стихи, не кривлю душой и не стараюсь «подслас- тить пилюлю», как бы ни была она горька. Тем более с Вами. Тут я считал бы это просто кощунственным».

Ну а дальше, после такого «предупредительного грома» блеснула и молния. От посланных мною стихов остались, пожалуй, только моя фамилия и даты. Все же остальное было разбито, разгрохано и превращено в пыль и прах. И сил на это было потрачено немало, так как почти каждая строка была снабжена пространными комментариями.

Самым же неожиданным был вывод: «...Однако, несмотря на все сказанное выше, с полной ответственностью могу сказать, что Вы — истинный поэт. Ибо у Вас есть то подлинное поэтическое дыхание, которое присуще только поэту! Желаю успехов. К. Чуковский».

Думаю, что слова эти сделали для меня больше, чем многие лекарства и витамины. Я и сейчас благодарен веселому и колючему старику за эти искренние и светлые слова.

Никогда не забуду этого 1 мая 1948 года. И того, каким счастливым я был, когда держал купленный возле Дома ученых номер «Огонька», в котором были напечатаны мои стихи. Вот именно, мои стихи, а не чьи-то другие! Мимо меня с песнями шли праздничные демонстранты, а я был, наверное, праздничнее всех в Москве!

Сколько потом было в моей жизни всевозможных публикаций как в нашей стране, так и за рубежом, но

первая публикация, как и первая любовь, не забывается никогда!

Годы учебы в Литературном институте были бурными, напряженными и яркими. Случались взлеты и неудачи, победы и огорчения. Но сдаваться — не сдавался никогда ни в творчестве, ни в учебе...

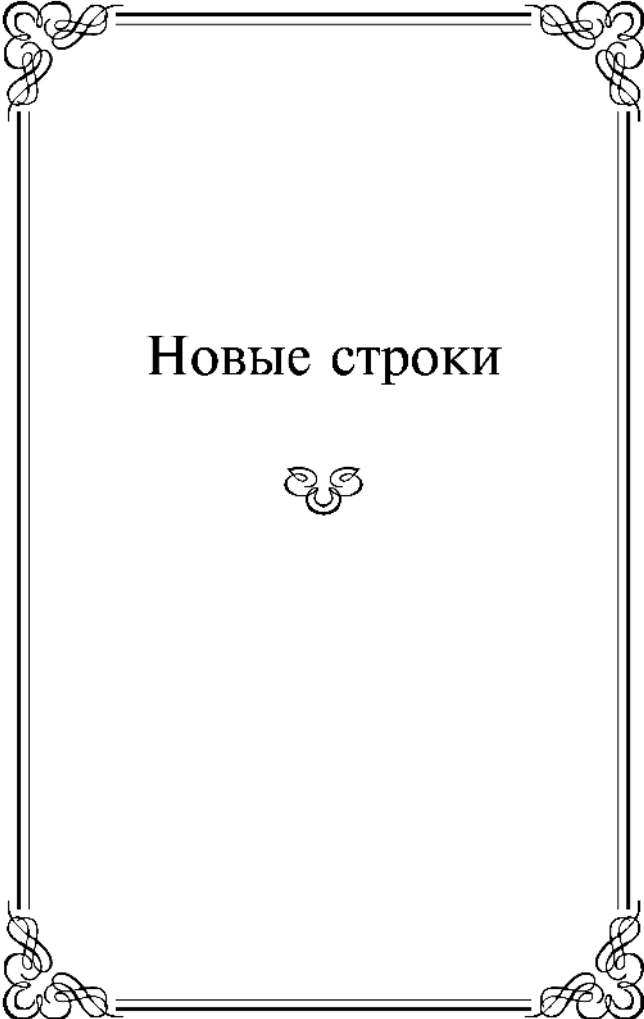
А затем — работа, стихи. Встречи с читателями Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Тбилиси, Еревана, Ташкента, Минска, Новосибирска, Свердловска, Омска, Одессы и десятков других городов, больших и малых.. Все назвать тут попросту невозможно.

Выступаю я вот уже много лет таким образом не ради афиш и оваций, а ради встречи с людьми и ради, если так можно сказать, аккумуляирования высокой энергии человеческих сердец, ради сопричастности чему-то общему, важному для нас для всех. Потому и продолжаю жить, писать стихи...

Эдуард АСАДОВ

Асадов Эдуард Аркадьевич, поэт, прозаик. Родился 7 сентября 1923 года в г. Мары (Туркмения). Учился в школах Свердловска и Москвы. Ушел на фронт со школьной скамьи, добровольцем, в 1944 г. был тяжело ранен под Севастополем. В 1951 г. окончил с отличием Литературный институт. Почетный гражданин города-героя Севастополя. Герой Советского Союза.

Автор 47 книг.

Новые строки

